

СВЯЩЕННИК ВАЛЕРИЙ ДУХАНИН

КТО МЫ?

КТО НАШ БЛИЖНИЙ?

Валерий Духанин

Кто мы? Сборник статей

«Вольный странник»

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

Духанин В. Н.

Кто мы? Сборник статей / В. Н. Духанин — «Вольный
странник»,

ISBN 978-5-6041696-8-1

Беседы священника Валерия Духанина посвящены основным вопросам, которыми задается каждый христианин. Как бороться с пагубными страстями и взрастить посеянные Богом в душе каждого человека семена добра? Как строить добропорядочные, основанные на любви отношения с ближними? Что есть истинная православная вера? Опираясь на многолетнюю пастырскую практику, отец Валерий делится своими взглядами на главные стороны жизни православного христианина.

УДК 271.22(470+571)-1

ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-6041696-8-1

© Духанин В. Н.
© Вольный странник

Содержание

I. Кто мы?	6
Чем опасны наши греховные страсти	6
Жизнь в тысячу рублей, или к чему приводит осуждение	10
«Пережевывая их, мы изъедаем сами себя». Как перетерпеть обиды	15
Бывают ли обиды безобидными	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Священник Валерий Духанин

Кто мы?

КТО МЫ?

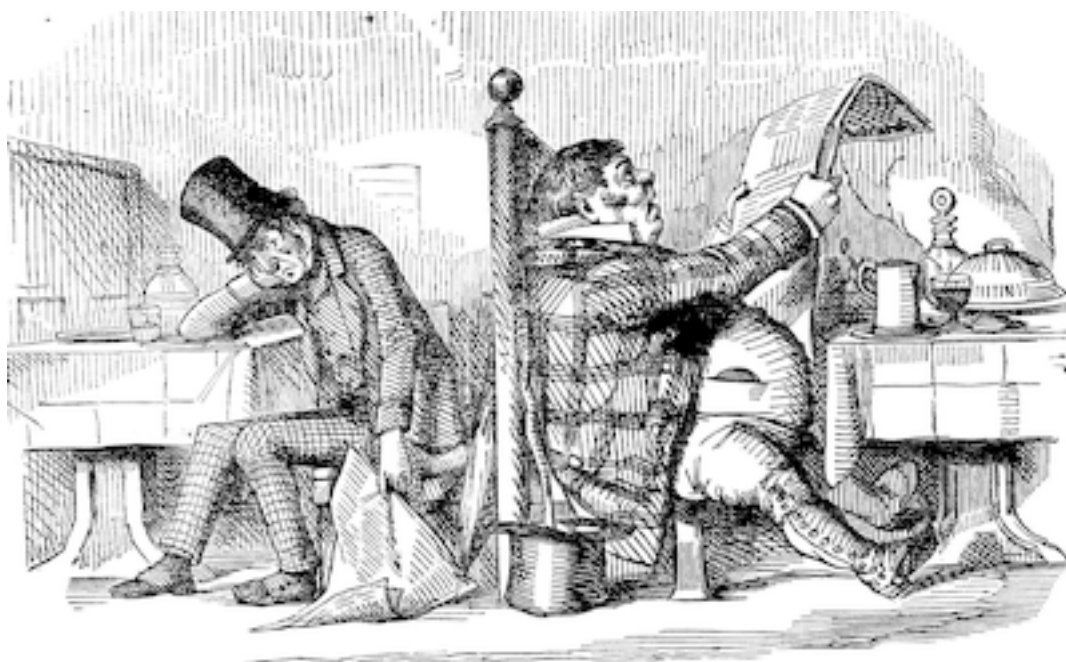

© Фонд «Традиция», 2019

I. Кто мы?

Чем опасны наши греховные страсти

Из истории Рима известно, что Тарпея, дочь начальника крепости на Капитолийском холме, согласилась впустить неприятельских солдат, соблазнившись их золотыми браслетами. Она их впустила с условием, что солдаты подарят ей все украшения, которые носят на левой

руке. Воины исполнили обещание: их предводитель Гатиус первый вручил ей свой щит и браслеты, а солдаты стали бросать в нее свои драгоценные украшения и щиты, пока она не упала мертвой под их тяжестью. Так небольшое желание стало причиной гибели.

С каждой греховной страстью происходит практически то же самое. Человек соблазняется мнимым благом, один раз выражает согласие, и далее эта страсть обрушивается на душу бесконечной ношей, поработывая и убивая ее.

Один наш современник, Егор, учился в Ярославском художественном училище. Всё было хорошо, но в один момент он сделал «открытие», что, оказывается, алкоголь как бы слегка подстегивает творческие способности, помогает раскрыться талантам, при этом уходит природная скованность. И вот это открытие привело к тому, что творить и как-либо проявлять себя без алкоголя Егор уже не мог, в трезвом состоянии становился жалким, скучным и потерянным; выпивая же, превращался в мастера и героя. Он пил для поддержания своего духа. Но через какое-то время Егор стал чувствовать, что душа его принадлежит какому-то злему хозяину, а в ней самой царит пустота. В один из праздников в общежитии Егор выпивал со своей знакомой. Он даже не заметил, как в какой-то момент потерял контроль над реальностью, словно подчиняясь чужой воле, разбил балконное стекло и сделал несколько шагов по узкому карнизу. Ему до этого казалось, что алкогольное опьянение вдохновляет и окрыляет, приводит к творческим полетам, на этот раз оно действительно обернулось полетом, только не творческим, а с пятого этажа.

Любая греховная зависимость вообще есть разрушение, уничтожение того лучшего, что дано Богом каждому из нас. Страсть паразитирует на наших природных способностях, потребностях, дарованиях, обращает их во вред человеку. Потребность еды и питья оборачивается чревоугодием и пьянством, потребность любви – блудной похотью, потребность совершенства – гордостью и самоутверждением.

Что же такое страсть? Это греховная привязанность, болезненное влечение нашего естества к тому, что вредит и изнутри разрушает. *Страсть – это грех, вошедший в привычку.* Внутри появилась потребность какого-то греха, к нему неуклонно тянет, а сопротивление этой тяге сопровождается внутренней болью, зазывающим голосом: «Скорей удовлетвори меня, иначе не будешь доволен».

Страсть – это то, что изнутри тебя изъедает: зависть, ревность, осуждение... Она лишает внутреннего покоя, раздирает сердце, заставляет бурлить помыслы, помрачает ум, а волю сковывает стальными тисками. Человек действительно становится исполнителем чужой злой воли, делает то, чего не хотел бы делать в здравом состоянии души. Особенно это видно на примере страсти гнева: потеря головы ведет к ярости и физическому уничтожению того, что находится рядом. Но не менее разрушительны другие страсти, например уныние, которое замыкает человека на себе, лишает внутренней жизни, обездвиживает, не дает проявить себя в деятельной любви к ближним.

Итак, любая страсть – это неадекватность. Человек ведет себя не соответствующе здравому поведению. Вспышка гнева, несдерживаемое блудное влечение, беспредельная гордость – всё это аномалии человеческого поведения, произрастающие из глубокого греховного расстройств, внутреннего сбоя души человека.

Страсть никогда не может сделать человека счастливым, и потому жалок тот, кто спешит удовлетворить каждое требование своего ненасытного зверя. Словно подгоняемый невидимым ездоком, страстный человек безвольно торопится насытить безумное требование страсти, но после его насыщения все равно остается недовольным. Человек, лишенный Бога, всегда будет всем недоволен. Он хочет урвать, насытиться, получить, но никогда не чувствует удовлетворения.

Если оставить страсть как есть, то она будет требовать себе новой пищи, уничтожать в душе всё живое. Поэтому отношения с греховной страстью могут быть только отношениями войны. Какие-либо соглашения оборачиваются трагедией.

А что же упомянутый нами Егор? Слава Богу, он не умер, его подлечили, он вышел из больницы с травмированным позвоночником, с несгибаемой левой рукой и, к сожалению, с таким же несгибаемым желанием пить дальше. Теперь он пил не для художественных успехов, а для преодоления чувства собственной ущербности. Надорванная печень реагировала на каждую долю алкоголя жуткой болью. После очередной пьянки в нем вдруг произошел какой-то внутренний переворот. У него почему-то родилась мысль, что он погиб, погиб духовно, и что если ты попал в когти к диаволу, то он добьет тебя без всякой жалости. Видимо, остатки света и образа Божия, которые есть в душе каждого, даже самого падшего человека, дали о себе явственно знать. Придя в себя, Егор увидел рядом Библию, на которую раньше не обращал никакого внимания, машинально открыл ее, как оказалось, на страницах Евангелия и стал читать.

Пока читал, Егор неожиданно для самого себя заметил, что у него уходит страх. Евангелие вселяло в него какой-то внутренний мир и отраду. С этим так не хотелось расставаться, и потому Егор читал без перерыва Священные Книги три дня подряд, а ночью, когда спал, боялся выпустить Библию из рук. Потом он взмолился, точнее, эта молитва как-то сама вышла из его израненного сердца: «Боже, если Ты есть, спаси меня, избавь от пьянства. Если Ты мне не поможешь, я завтра снова пойду похмеляться. Пожалуйста, помоги мне». И вот такая молитва от сердца произвела чудо – внутри потух огонь, всегда ранее гнавший Егора к ларьку с алкоголем, он даже перестал курить, но самое главное – внутри вместо пустоты явилась радость жизни.

Мы часто недоумеваем, почему нам никак не удастся расстаться с какими-то своими грехами. Мы были бы рады не делать того, что делаем, но продолжаем, словно мы – безвольный механизм, выполняющий заложенную в него программу.

Страсти слишком глубоко вошли в нас, мы воспринимаем их как свои природные потребности, и потому преодолеть их своими силами не удастся. И хотя никто еще не умер, отказавшись от алкоголя или блудных отношений, мы грешим так, словно умрем, если не согрешим.

Но если бы в руки нам дали ядовитую змею, то разве согласились бы мы с ней играть? Важно понять, что любая греховная страсть – это змея, которая жалит душу и отравляет ее сатанинским ядом. И потому за принцип себе надо взять: лучше умру, но не согрешу.

Праведный Алексей Мечёв говорил: «Нужно, чтобы грех опротивел, чтобы всё это перегорело внутри, в сердце, когда начнешь вспоминать... И вот тогда-то уж грех нам будет противен и мы уже не вернемся к нему». Имея антипатию к страсти, мы будем сторониться ее. Имея любовь к Богу, мы будем устремляться к Нему.

Победить страсть полностью возможно только с Богом. Для упомянутого нами Егора не было иных вариантов, для него Бог был не теоретической истиной, а единственной Реальностью, Которая может помочь. Молитва Богу от сердца, с крепкой надеждой, с желанием спастись, способна вершить настоящее чудо. Решимость сердца и горячая молитва открывают врата души Богу, а Его благодать производит внутри переворот, очищает и освобождает, спасает и исцеляет.

Церковь учит нас владеть своими естественными потребностями, отказываться от еды и питья в определенное время года или суток (посты и евхаристическое воздержание). Это бесценный опыт владения собой, когда естество требует своего, но ты становишься выше его потребностей.

Если мы учимся отказывать себе в том, что естественно, – еде и питии, то можем научиться отказывать в том, что противоестественно, – страстях и греховных влечениях. Ты не умрешь от того, что не соблюдишь или не пройдешь очередной уровень компьютерной игры. Напротив, только тогда ты и почувствуешь подлинную жизнь. Научившись побеждать свои пожелания в малом, возможно достичь победы и над долговременными своими страстями.

Конечно, в жизни каждого конкретного человека есть свои особенности, и значит, у каждого формируется свой опыт борьбы с грехом. Но Бог назвал Себя нашим Небесным Отцом независимо от наших личных особенностей. *Нет греха, который не был бы прощен за покаяние, и нет страсти, которая не искоренилась бы всеисцеляющей помощью Божией.* А преподобный Силуан Афонский писал: «Тем, кто борется с грехом, Господь дает не только прощение, но и благодать Святого Духа, Который радуется душе и дает ей глубокий и сладкий мир».

Жизнь в тысячу рублей, или к чему приводит осуждение

Жизнь наполнена невероятными историями, которых не найти даже в вымышленных произведениях. Виталий, врач-онколог, рассказал вот такую.

Как-то в их больницу легла женщина с только что поставленным страшным диагнозом – опухоль головного мозга. Женщина пришла к Виталию со своим неутешительным снимком. Снимок и правда представил жуткую картину: весь мозг покрыт опухолью, – но это никак не вязалось с общим состоянием бодрой пациентки. Виталий понял, что здесь что-то не так, и решил сделать повторный снимок.

Оказалось, что никакой опухоли нет. Видимо, в медицинском центре или поликлинике, откуда пациентка поступила, произошел какой-то сбой аппаратуры. Женщина невероятно обрадовалась и поспешила в свою палату собирать вещи. Вот там-то и случилось искушение: ей показалось, что у нее пропали деньги. Дело в том, что в качестве закладки в книгу она использовала тысячерублевую купюру. Этой-то дорогой закладки теперь не оказалось. Женщина искушению поддалась: вызвала врачей и устроила скандал. На шум пришел и Виталий. Пациентка, забыв о нечаянной радости с несостоявшимся диагнозом, возмущалась всё больше и больше, обвиняя во всем персонал и врачей.

Виталий заметил, что лицо женщины краснеет: видимо, поднималось давление. Он решил сходить за лекарством, чтобы заранее ей как-то помочь, успокоить, снять эмоциональный накал. Как это ни прискорбно, но он не успел: у пациентки случился приступ, откачать ее не смогли. Это выглядит невероятным, но женщина умерла. Чуть позже уборщица нашла под кроватью тысячерублевую купюру, которая, как оказалось, выпала из книги и таким образом стала причиной скоропостижной смерти пациентки. Вот так осуждение ближних, напрасное обвинение их обернулось непоправимой трагедией.

Не все мы видим губительные последствия осуждения, но последствия эти, несомненно, есть. Осуждение – болезнь нашего времени, это то, чем мы живем постоянно. Мы смотрим на

всё сквозь очки осуждения, говорим с осуждением, думаем, осуждая других. Часто осуждение является единственной темой общения. Двое встречаются только для того, чтобы осудить третьего. Самые распространенные темы бытовых бесед – помусолить сведения о чьей-то жизни, посмеяться над чужими оплошностями, пожаловаться на начальство и т. д. И внешний вид другого человека, и его взгляд, и его тон – всё подвергается безапелляционному суду нашей мысли.

Осуждение – это определенный показатель, знак того, что у тебя происходит внутри. Осуждение рождается из недовольства, а оканчивается негодованием. *Осуждая других, мы возмущаем самих себя, лишаем собственную душу мира.* Если заглянуть внутрь души осуждающего, то можно увидеть, как там копошатся, беспокоят, свербят недовольные помыслы. Они как нарывы на теле, прикосновение к которым доставляет боль. Поэтому такому человеку везде всё не так: в семье, на работе, в государстве. Он ищет, кому пожаловаться, поныть, а заодно наговорить всяких гадостей.

Осуждение и пересуды – это как нудное гудение мух, которые клубятся над зловонной ямой и жужжат себе что-то однообразное. Осуждающий и подобен мухе. Он всегда своей мыслью летает над чем-то скверным, дурным, нечистым – чужими ошибками и оплошностями, и он всегда зудит и гудит о том, что всё плохо, что всё не так.

Осуждать – значит видеть вокруг себя только темное. Но наши глаза созданы Богом так, чтобы реагировать на свет, и душа создана, чтобы видеть светлое, а мы сами настраиваем око своей души на мрак. В конечном итоге говорить о темном – значит самому быть темным. Поэтому люди, погрязшие в осуждении, как правило, унылы и мрачны.

Беседа с тем, кто привык осуждать, утомляет, она высасывает из собеседника силы, увлекает его за собой в недовольство и бесконечные пересуды, а после себя оставляет какую-то муть. Это подобно поднявшейся со дна озера тине. Поэтому о каждом осуждающем можно по праву сказать, что он мутит воду. После общения с ним остаются внутри только мрачные чувства.

Осуждение исходит всецело из мятежности. Мятежники всегда стремятся к революции, свергнуть тех, кто у власти, чтобы самим прийти к власти и судить тех, кто был раньше. Суд

мятежников беспощаден. И подпавший страсти осуждения – мятежник. Он ниспровергает в своей душе всех и вся, в каждом найдет улики для своего приговора.

Изначальным здесь является болезненность души, а осуждение других – лишь способ ее выражения. В этом смысле угодить осуждающему невозможно, а сам он уподобляется злому псу, который лает и бросается на каждого встречного. Так рвется подверженная страсти осуждения душа, она лает и кидается на всех, кто бы он ни был, готовая раздирать и кусать.

В православной аскетической традиции есть понятие умного делания, когда весь внутренний мир, вся душа человека устремлены ко Христу, ум отсекает злые помыслы и возделывает добрые, сердце рождает теплые чувства, воля устремлена к добру. Осуждение в каком-то смысле тоже делание, только не умное, а безумное. Весь внутренний мир, вся душа такого человека ищет, за что бы ухватиться, чтобы осудить человека, выразить недовольство и негодование.

Осуждение производит внутри осуждающего разбалансировку всех его душевных сил. Он теряет цельность, потому что внутренне кидается то на одного, то на другого, полагаясь на свои кривые, лживые мысли. После осуждения внутри нет ни покоя, ни чистоты. Там – полный разброд мрачных мыслей и чувств. В этом смысле осуждение – душевный недуг.

Осуждающий часто считает, что всего лишь констатирует факты, что он не боится говорить о несправедливостях, о том, что есть на самом деле. Но осуждающий не замечает, что зачастую специально ищет, а в чем бы уличить и обвинить другого. Он подобен человеку, который несет домой разный мусор и хлам, наполняет им свое жилище и сидит в этом соре. Так и душа осуждающего уподобляется месту сбора всевозможного мусора.

На самом деле осуждение рождается не из наблюдения несправедливостей как таковых, а, повторим, из мятежности наших собственных мыслей, буйства внутренних чувств, которые кидаются из стороны в сторону, готовы наброситься на кого угодно, только бы найти этому повод.

Если человек не преодолеет в себе мятежности, то он будет осуждать и самых близких людей: родителей, мужа или жену, детей, будет жаловаться и негодовать. Жизнь такого человека – сплошная беда. Ведь он сам кругом видит одни беды и досаду.

Что же делать? Как преодолеть в себе осуждение?

Если говорить по существу, то человек никогда не освободится от страсти осуждения, пока не вкусит смирения. В этом смысле у каждого из нас есть своя мера осуждения ближних в меру гордости каждого из нас. Ведь *осуждение означает, что ты поставил себя выше других и считаешь себя способным оценивать их жизнь и поступки*, выносить вердикт, как выносит судья подсудимому приговор или врач ставит пациенту диагноз.

Душа, стяжавшая смирение, освобождается от осуждения. Смирение вносит в душу мир, уходит мятежность, и человек перестает осуждать, его внутри ничто не свербит, он не останавливается взглядом на чужих недостатках.

Одна женщина, Наталья, рассказывала. У нее сильные боли в спине, так что она не может выстоять всю службу в храме. Как-то Наталья пришла на богослужение и попыталась сесть на лавочку. Но ей не позволила другая женщина: она сначала оттеснила ее, а потом специально поставила на это место свою сумку, чтобы никто уже не сел. Поняв, что сесть уже не получится, Наталья отошла в сторону и стала от сердца молиться об этой женщине. Она настолько смирилась и всецело погрузилась в молитву, что внутри нее не затаилось ни злобы, ни негодования. Неожиданно для нее самой после искренней молитвы об обидчице у Натальи перестала болеть спина. Так Господь дал ей утешение за то, что она смиренно встретила грубость, а после этого вместо осуждения от сердца молилась о той женщине. Она даже не просила за себя, не ожидала никакого облегчения боли. Но Господь утешил ее. И всякий раз, когда мы вместо осуждения будем искренне молиться о других людях, Господь подаст каждому какое-то свое благодатное утешение.

Молитва за другого человека – это уже действие добра, желание спасения ближнему. Молитва противоположна клейму осуждения, как противоположны тепло холоду, свет тьме, любовь ненависти.

Когда мы любим кого-то, то видим в нем достоинства, которых не замечают посторонние. Любящему не мешает радоваться встрече с любимым ничто из его несовершенств; собственно, он и не замечает этого, несовершенств как будто и нет. Напротив, при антипатии к другому человеку всё в нем становится раздражающим несовершенством – и его тон, и его взгляд, и его манера поведения. Само его присутствие уже невыносимо, уже предмет для осуждения.

Любовь и смирение приходят не сразу. Что же делать конкретно сейчас?

Злая собака кусается, будучи спущена с привязи. Поэтому для начала ее надо посадить на цепь, пусть лает оттуда. Желаящему победить в себе осуждение нужно, прежде всего, обуздать свой язык, не спускать его с привязи, запретить себе говорить, едва к горлу подкатывает осуждение. Пусть мысленно ты еще осуждаешь, но для начала хотя бы молчи.

Можно даже попробовать такое упражнение. В течение недели не говори ни о ком ничего плохого. Просто в качестве эксперимента. От воскресного дня до воскресного, от исповеди до исповеди не произноси ни одного плохого слова в адрес ближнего. Если и говорить что-то о ком-то, то только хорошее. Так уже начнется работа над собой.

Иногда мы думаем, что не осуждаем, а всего лишь рассуждаем о действиях другого человека. Как одно отличается от другого?

Рассуждение переходит в осуждение по упомянутому простому принципу: когда мы начинаем говорить о людях плохое. Пусть это плохое вроде бы соответствует им, но, произнося темное, мы ставим на них клеймо. Постараемся говорить хорошее, светлое, доброе, тогда осуждения точно не будет.

Поверьте, если мы перестанем говорить о людях дурное, то ничто не обрушится, не рухнут ни правопорядок, ни педагогика, ни внутрисемейные отношения. Напротив, станет больше чистоты и света. Пусть картина жизни покажется неполной. Но лучше она будет неполной из-за вытеснения тьмы, нежели из-за постоянного изгнания света.

Но исправить свое слово недостаточно, важно исправить мысль. То, что мы в человеке видим, зависит от того, как мы смотрим. Пчела везде найдет красивый цветок и сядет на него, чтобы собрать полезный нектар, а муха везде найдет грязь и сядет туда, чтобы собрать новых микробов.

Вот ты увидел пьяного человека и сразу подумал: «Бездельник, попрошайка! И как только свет носит такого?!» Но представь, что было время, когда на него с любовью смотрела родившая его мама, как она не чаяла в нем души и надеялась, что его жизнь сложится счастливо. Его пьянство – это болезнь, он мучается от этого, как и каждый из нас страдает от своих тайных недугов души. Его душа ждет помощи, и даже простая, от сердца, молитва о нем окажет пользу ему.

К преподобному Серафиму Вырицкому как-то молодая супружеская пара принесла большую сумму денег в качестве пожертвования. Святой Серафим их не принял, а благословил отдать первому встречному по дороге на станцию. Каково же было их удивление, когда первым встречным оказался шатающийся от опьянения мужчина. Молодая супруга растерялась: как можно давать деньги такому? Но муж принял решение: «Поступим по словам батюшки». Когда они протянули деньги пьяному человеку, то оказалось, что тем самым они спасли его от самоубийства. Он работал в торговле, и у него образовалась недостача ровно на ту сумму, которую они вручили ему. Боясь тюрьмы, он впал в отчаяние и думал наложить на себя руки. Неожиданная милостыня спасла ему жизнь. Так святые прозревали беды людей и спасали их, а мы бываем готовы заранее осудить их и тем самым способствовать их гибели.

Если бы мы видели свои грехи, то разве стали бы смотреть на грехи другого? Когда у тебя болит зуб, будешь ли думать о том, что болит у другого? И когда мы видим свои недостатки,

когда наша душа болит о собственных немощах, грехи других становятся неактуальны. Вот почему в древнем патерике приводятся знаменитые слова преподобного Пимена Великого. Некто спросил авву Пимена, как может человек достигнуть того, чтобы не говорить худо о ближнем? Старец ответил: «Если человек, смотря на себя, находит в себе недостатки, то в брате своем видит совершенства. А когда сам себе он кажется совершенным, тогда, сравнивая с собой брата, находит его худым».

Господь всё наше спасение свел к единственной фразе: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк. 6: 37). Дай Боже всем нам спастись и не быть осужденными.

«Пережевывая их, мы изъедаем сами себя». Как перетерпеть обиды

Если бы нам представилась возможность увидеть, в каком состоянии пребывают души людей, то наверняка мы увидели бы, что это состояние обиженности. Все чувствуют себя кем-то ущемленными, обделенными, оскорбленными, кем-то обиженными. Может быть, так оно и на самом деле есть. Но все дело в восприятии этого и в том отношении, какое мы сами выстраиваем к случающимся неприятным событиям.

Обида – это всегда крушение каких-то надежд. Мы надеялись, что нас поймут, помогут, простят, но этого не произошло. Мы полагали, что другой человек пойдет нам навстречу, но вместо этого он от нас холодно отвернулся или жестоко оттолкнул. Надежда порушена, и вместо нее явилась обида.

Как это ни прискорбно, но таящий в себе обиду причиняет страдания себе сам. Казалось бы, он мучается от вполне объективных притеснений со стороны других, на самом же деле его терзают собственные мысли и чувства. Как однажды точно подметил святитель Игнатий (Брянчанинов), человек больше всего страдает не от случающихся неприятностей, а от их переживания. Развивая эту мысль, добавим, что, пережевывая в себе обиды, мы изъедаем сами себя.

К одному старцу пришел ученик и спросил, как ему быть с обидами, которые появляются из-за несправедливого к нему отношения со стороны других людей. Старец предложил ему такой совет: «Каждый раз, как обидишься, клади за пазуху картошку». Ученик принял совет, и понемногу накопилось столько картофеля, что стало его тяготить, а потом эти овощи еще и начали гнить. Тогда ученик снова пришел к старцу: «Я больше не могу носить с собой эту зловонную тяжесть». «Тебе неприятно? – спросил его старец. – Но как же ты позволяешь носить в своей душе обиды на других людей?» Действительно, обида – это то, что гниет внутри нас, мучает душу нестерпимой тяжестью и не дает нам покоя.

Есть еще один интересный феномен. Казалось бы, наши обиды отделяют нас от причинивших нам зло людей. На самом же деле, всякая обида продолжает нас связывать с той несправедливостью или ущербом, которые причинил нам обидчик. Потому что человек внутренне свободный уже не таит в своем сердце обид, – он свободен и мирен. Тогда как тот, кто подчинился обидам, внутренне скован, томим и мучим своими горестными воспоминаниями, впечатлениями и перенесенными несправедливостями. Как же такой человек будет счастлив?

Как ни странно, обиды часто провоцируются нашей мнительностью. Мы сами надумываем себе то, что начинает обижать нас в отношении наших близких. И даже малую оплошность ближнего мы способны раздуть до невероятных размеров.

Пожалуй, яркой иллюстрацией этого является известная ссора двух знаменитых писателей И. А. Гончарова и И. С. Тургенева. Как-то Гончаров подробно озвучил в присутствии Тургенева проект намечаемого романа «Обрыв». В один из дней, когда писатели собрались в доме Тургенева, тот пригласил их на завтра к себе на обед для прослушивания его нового романа «Дворянское гнездо». На следующий день Гончаров не явился к обеду, но пришел позже. Когда же его спросили о причине неоявления, он ответил, что его не приглашали, на что Тургенев в недоумении возразил, что приглашал. Как только начали читать роман, Гончаров стал замечать, что многие идеи и характеры героев «Дворянского гнезда» на странность похожи с озвученными им когда-то перед Тургеневым идеями и характерами из романа «Обрыв». Так вот почему его не пригласили, полагал Гончаров: Тургенев присвоил себе его концепцию романа.

Через какое-то время, после многократных взаимных объяснений (Тургенев настаивал, что не стремился специально воровать идеи, но они могли отложиться в его душе и быть потом воспроизведены самостоятельно, вне связи с концепцией Гончарова) между писателями разгорелась нешуточная ссора. Затем в новом романе Тургенева «Накануне» Гончаров опять усмотрел влияние проекта своего романа. Состоялся даже третейский суд, не в пользу Гончарова, после которого уже Тургенев поддался чрезмерной обиде – не стерпев, разорвал общение с Гончаровым. И не нашлось никого, кто бы вовремя примирил двух гениев. Вновь накапливаемая обида Гончарова поместила его в замкнутый круг: обида заставляла всякий раз усмат-

ривать в произведениях Тургенева влияние своих идей, а это усматривание, в свою очередь, отравляло его душу нестерпимой горечью. А ведь когда-то он сам признался, что многое тут следовало объяснить его мнительным характером.

Обида часто выражается в злопамятности, то есть в злой памяти, в том, что мы долго помним обиды и храним злое чувство по отношению к нашим обидчикам. По словам преподобного Иоанна Лествичника, злопамятность есть «ржавчина души, червь ума». Ржавчина изъедает, а червь гложет. Как же при этом быть сердцу спокойным?

Поэтому лучшим правилом здесь может быть – не подпускать к своему сердцу обид вообще, перешагнуть через личную обиду и идти по жизни дальше, в чем-то став умнее, в чем-то осторожнее, а в чем-то снисходительнее к ближним.

Почему же мы обижаемся на других? Есть несколько очевидных причин, зная которые, можно заранее нейтрализовать свои обиды.

Во-первых, мы ожидаем, что другой человек должен нам непременно помочь, пойти навстречу, словно он обязан послужить именно нам и у него нет других забот, не позволяющих полноценно уделить нам внимание.

Во-вторых, мы как бы не допускаем, что другой человек может не сдержаться, вспылить, выйти из себя, подвести нас в определенных ситуациях, то есть мы не оставляем ему право на ошибку.

Третья причина наших обид заключается в том, что мы ждем всегда от других одинакового к нам отношения. Если наш ближний поступил не так, как мы заранее полагали, то мы говорим, что он не оправдал наших надежд, что поступок его оказался для нас неожиданным. Во взаимоотношениях с ближними важно помнить, что человек – существо переменчивое. И потому вроде бы хороший человек в какие-то моменты способен срываться, терять доброту и любовь (так же как и плохой человек способен покаяться и исправиться).

Нетрудно заметить, что все указанные причины упираются в наш эгоизм и нежелание проникнуться положением ближнего. Эгоизм всегда требует, чтобы другие служили нашему «я», чтобы от них «я» всегда получало одну только пользу. Если же заранее понимать, что наши нужды не являются центром жизни других людей и что нам самим стоило бы созидать себя через участие в жизни ближних, а не безмерно поглощать их помощь, тогда никакого крушения неоправданных надежд не будет. Сменить вектор жизни с эгоцентризма на жертвенность – и не будет обид.

И еще. По большому счету, проблем с ближними не имеет тот, кто не обижается.

Если подытожить сказанное, то *чувство обиды – это в каком-то смысле очень точный критерий, ключевой показатель того, насколько мы реализуем в своей жизни Евангелие*. Если наши мысли возмущенно кипят от обид на кого-либо, если во время бесед с друзьями и близкими мы все время на кого-нибудь жалуемся, то значит, сердце наше слишком изнежено, мы ищем, чтобы другие всегда угождали нам, но при этом даже не подозреваем, что сами мы далеки от Христа, Который за всю Свою скорбную жизнь ни разу не высказал на кого-либо ни одной обиды.

Бывают ли обиды безобидными

В жизни византийского императора Юстиниана II († 711) случилось самое страшное, что только может случиться с правителем, – заговор. Его свергли с трона. А чтобы Юстиниан даже не думал претендовать на возвращение, ему отрезали нос. В те времена считалось, что императором может быть человек совершенный, то есть не имеющий какого-либо порока, в том числе и телесного. Чуть погодя Юстиниан II вполне опроверг этот тезис, вернувшись на трон. Впрочем, совершенным так и не стал, если иметь в виду совершенство в его подлинном смысле.

Низвергнутый и униженный, сосланный в далекий Херсонес, Юстиниан, лишившись носа, не утратил природной смекалки. В его сердце возгоралось пламя мести, а хворостом для пламени служила обида. Вступив в общение с правителем Хазарии, Юстиниан быстро набрал силы и обзавелся нужными связями. Когда из Константинополя к нему подослали убийц, Юстиниан, ловко опередив их, умертвил заговорщиков, а затем с горсткой сторонников отплыл в Болгарию на простом рыбацком судне.

В море разыгралась страшная буря. Надежды на спасение не было. Один из слуг, словно прозрев духовно, взмолился: «Вот, господин, мы погибаем. Дай Богу обет во имя твоего спасения не наказывать врагов, если Бог вернет тебе царство». Юстиниан в гневе воскликнул: «Да потопит меня Бог на этом месте, если я пощажу кого-нибудь из них». Бог пощадил Юстиниана, из бури они вышли невредимыми. Милосердие Божие не вразумило душу, томимую обидой и жадой мщения.

Болгарский князь дал Юстиниану воинов. И вот он уже возле стен Константинополя. Что двигало этой неутомимой душой? Что заставляло прилагать усилия и выходить победителем в безысходной, казалось, схватке? Всё та же горькая обида и жажда беспощадной мести. Источником душевной энергии служил адский огонь. Но пока Юстиниан стоял у мощных высоких стен Константинополя, жители города беспечно смеялись над безносым низложенным правителем. И тогда Юстиниан пошел на отчаянный шаг. Ночью с горсткой смельчаков он пробрался через старый водопровод внутрь города, достиг дворца и объявил себя полноправным правителем. Воины из царских полков, растерявшись, посчитали, что Юстиниан и правда восстановил свои права, тут же перешли на его сторону. В скором времени весь город оказался в его руках.

Как же Юстиниан воспользовался своей столь счастливой и по-человечески совершенно неожиданной победой? Увы, всю страну он наполнил казнями и репрессиями, выискивал, кто выступал против него, и наказывал самым жестоким образом. Если до своего изгнания Юстиниан совершил множество полезных для империи дел, провел важный для всей церковной истории Трулльский Собор (691–692), защищал империю от многочисленных завоевателей, то весь смысл его правления по возвращении воплотился в беспощадной мести и утолении всех своих прежних обид.

Всегда в правилах императоров было при восхождении на престол объявлять прощение хотя бы кому-нибудь из осужденных. Юстиниан II не вспомнил об этом. Смысл любой амнистии заключается как раз в том, что правитель надеется на созидание новой жизни по правилам милости, а не мести, прощения, а не террора. Правитель, объявляя амнистию, подтверждает, что сам он выше каких-то личных обид. Террор всегда исходил из противоположных принципов. Кровь за кровь, голову за голову, а лучше даже все головы своих врагов вместо своей одной.

Мсть влечет за собой новую жажду мести – со стороны невинно обиженных, пострадавших, несправедно подвергшихся наказанию. Реки невинно пролитой крови переполнили чашу долготерпения Божия. В империи из-за постоянных репрессий усилились нестроения, и Юстиниан II вновь был свергнут. На этот раз милость Божия отвернулась от него: Юстиниана казнили.

Какой урок преподает нам эта реальная история, похожая на сюжет приключенческого романа?

Любая обида может вырасти в мщение. Конечно, обида не всегда завершается мстью. Но никакая мсть не бывает без предваряющей ее обиды, как нет сорняка без крепких корней, укуса гадюки без яда, взрыва мины без действия детонатора. Обида – камень, приготовленный против другого. Мсть – бросок этого камня. Когда ты носишь камень за пазухой, тебе самому тяжело, а тяжесть души усилится, если камень обиды ты метнешь в сторону ближнего. Всякая мсть, а значит, и всякая обида есть в зародыше мучение самого мстящего, самого обиженного.

Печь сжигает всё, что положат в нее, поглощает топливо, а обратно выгребается мелкая зола. Так и обида сжигает в душе всё. Такая душа лишь поглощает и уничтожает, а обратно выдает горстку сожженных чувств, отношений, порушенных связей с людьми. Но если от печки – тепло, то от обьятой обидой души веет холодом.

Сколько семей дали трещину только потому, что супруги стали обижаться друг на друга из-за каких-то оплошностей, накапливали в себе груз обид и потом этот груз повлек ладью семьи ко дну. Есть те, кто в отместку изменил, в отместку подал на развод, в отместку бросил другого в тяжелой жизненной ситуации. Потому что обида всё перекрыла, лишила здравого разума, привела к крушению всего самого ценного.

Обида – искушение всех людей без исключения. Яркий пример обиды и желания мести мы видим даже среди учеников Христа. Спаситель, направляясь в Иерусалим, послал учеников в самарянское селение приготовить для Него место. Но самаряне не приняли Спасителя, так как Он имел вид путешествующего в Иерусалим (Лк. 9: 53). Это и послужило поводом для обиды апостолов. А вот и желание мести. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? (Лк. 9: 54). Так вот просто думали апостолы решить возникшую трудность, по принципу: нет человека – и проблемы нет.

Апостолы еще и представить не могли, что когда-то с проповедью любви они пройдут эти земли, а потом с радостью встретят весть о том, что и самаряне приняли слово Божие (Деян. 8: 14). Их мысли пока были заняты тем, что хотелось испепелить своих обидчиков. Для переосмысления им нужно было еще пережить скорби и страхи, и только благодать Духа Святого соделала их сердце обителью любви, не знающей никакой обиды.

Но если мы посмотрим предваряющее повествование Евангелия, то увидим, что перед самарянским селением апостолам пришла мысль, кто бы из них был больше (Лк. 9: 46). Размышление о том, насколько ты велик, естественно обращается позором, когда тебя кто-то не принял.

Любая наша обида – проявление гордости, такой человек заведомо убежден, что ему должны оказать особую честь, а если этого не происходит, то он считает, что его презрели, не поняли, оставили одного. Так и приходят на память известные строки М. Ю. Лермонтова:

Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

Обиженный – всегда «невольник чести», ему всегда кажется, что его, такого хорошего, способного, умного, неправильно поняли, не приняли, оттолкнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.